

О «ДИСТАНЦИОННОМ УПРАВЛЕНИИ» И АВТОНОМНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ СЛАВЯНСКИХ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ

Нижеследующие заметки представляют попытку обобщить отдельные наблюдения, касающиеся ряда синтаксических аномалий в славянских языках (из разряда тех, каковые в течение многих лет наблюдал В. П. Гудков). Эти аномалии, как автору казалось ранее, непосредственно между собой не связаны, однако, по прошествии времени, их связь все же удастся установить.

1. Два века ссорить не хочу

А. С. Пушкин, отвечая в 1830 г. критику «Евгения Онегина», писал по поводу процитированного в подзаголовке стиха: «Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательной частицей, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например: я *не пишу стихов*. Но в моем стихе глагол *ссорить* управляем не частицей *не*, а глаголом *хочу*. Ergo, правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее предложение Я *не* могу вам позволить начать писать... *стихи*, а уж конечно не *стихов*. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю» [Пушкин 1986, 3: 465].

Таким образом, уже Пушкин подметил по существу общеславянскую тенденцию в развитии конструкции с родительным падежом отрицания – далее Gneg – взамен винительного при переходных глаголах без отрицания (конструкция с Gneg в соответствии с именительным падежом субъекта в утвердительных предложениях, типа рус. *Нет времени*, будет учитываться ниже лишь частично). В современных славянских языках эта тенденция проявляется в разной степени.

В русском, особенно разговорном, языке сегодня наблюдается дальнейшее по сравнению с языком Пушкина ограничение употребления Gneg, распространяющееся уже и на двучленные синтагмы, ср.: *Я не пишу стихов / стихи* (хотя и в более сложных синтагмах Gneg остается допустимым: *...не могу подобрать подходящего примера*). При этом распределение Gneg и вин. пад. при отрицании в современном русском языке, по-видимому, зависит от многих факторов, которые еще предстоит исследовать, в том числе при помощи анкетирования носителей. Предварительно можно предположить, что свою роль

здесь будут играть такие моменты, как порядок слов и актуальное членение высказывания, освоенность / недостаточная освоенность лексемы (*Новый компьютер я пока так и не купил* при, как кажется, менее вероятном варианте *Нового компьютера...*), а также семантические факторы, в частности, предпочтение Gneg при выражении оттенка значения так называемого родительного партитивного, к которому исконно общеславянский Gneg, вероятно, восходит, и – шире – родительного количества и меры (ср. из разговора в маршрутном такси: *Выпустите меня, пожалуйста. Я деньги не взяла и не смогу вам заплатить*, т. е. ‘деньги вообще’, при возможном *Я денег не взяла...*, т. е. ‘нисколько, какой бы то ни было части / ни копейки денег’).

В других современных славянских языках – за исключением утративших падежную систему – Gneg функционирует по-разному, причем крайними полюсами, во всяком случае в рамках западнославянских языков, предстают польский и чешский, а также аналогичные в этом отношении чешскому словацкий и серболужицкий языки.

В польском употреблении Gneg по-прежнему является обязательным не только в двучленных синтагмах (*Nie piszę wierszy* ‘Я не пишу стихов / стихи’), но и в более сложных, по меньшей мере трехчленных, в которых отрицание стоит при первом глаголе, а в форме Gneg выступает последний именной член, зависимый от промежуточного глагола без отрицания (*Nie potrafię pisać wierszy* ‘Я не умею писать стихи’). Только в очень осложненных синтагмах наблюдаются колебания между Gneg и винительным падежом (*Nie uważała za stosowne trzymać język / języka za zębami* ‘Она не считала нужным держать язык за зубами’ (пример из [Тихомирова 1978: 131]). Ср. также в авторском тексте, правда, архаизированном: *Rycerz de Guillebaud nie chciał, Boże broń, ubliżyć wam, grabio, lub cienia rzucać na szlachetną waszą małżonkę* ‘Рыцарь де Гиллебо не хотел, Боже сохрани, оскорблять вас, граф, или бросать тень (букв. тени. – С. С.) на благородную вашу супругу’ (З. Коссак. Крестоносцы).

В чешском и других вышеназванных западнославянских языках, в противоположность польскому, Gneg в настоящее время практически не употребляется даже в двучленных синтагмах (ср. чеш. *Nepíšu básně* ‘Я не пишу стихов / стихи’). В чешском эта форма выступает ныне лишь во фразеологизованных выражениях типа *o tom není pochyb* ‘в этом нет сомнений’ и в архаизированном стиле: *Jsou lidé, kteří nemají peněz* ‘Бывают люди, у которых нет денег’ – К. Чапек. Особый случай составляют словацкие конструкции типа *Niet inej cesty* ‘Нет другого пути’ с Gneg взамен им. пад. субъекта, коррес-

пондирующие с соответствующими русскими и синтаксически отличающиеся от чешских типа *Jiná cesta není*.

На основании вышесказанного можно было бы заключить, что в польском языке до сих пор действует та самая – в пушкинском смысле – «электрическая сила» отрицания при переходных глаголах, которая в других рассматриваемых западнославянских языках и отчасти в русском утратилась или утрачивается. В действительности, однако, дело обстоит сложнее.

Отрицание в славянских языках, как представляется, образует единое модальное поле, основным конституирующим элементом которого является отрицательная частица, восходящая к **ne-*, однако в то же время во фразовых условиях в формировании этого поля могли и могут участвовать также другие компоненты, в том числе прежде всего отрицательные местоимения и местоименные наречия с частицей, восходящей к **ni-* (рус. *Никто нигде никогда ни с кем ни о чем таком не говорил* и т. п.) или, в западнославянских языках и в западной части восточнославянских, без этой частицы: пол. *żadny*, укр. *жодний* ‘никакой’, чеш. *žádný*, слц. *žiadny* ‘никакой’ и ‘никто’, ср. также в.-луж. *ženje* ‘никогда’. В эллиптических фразах подобные компоненты могут формировать отрицательную модальность даже без участия собственно отрицательной частицы, как это можно показать на примере чешского диалога из произведения К. Чапека «Как ставится пьеса»: «*Jaké budu mít vlasy?*», *táže se milostpaní*. ‘Какие у меня будут волосы? – спрашивает примадонна’, на что в чешском тексте следует ответ «*Žádné!*» (в польском языке без вариантов *Żadnych!*, в русском же *Никакие!* / *Никаких!* со смысловой дифференциацией – в первом случае ‘любые’, а во втором ‘вообще никаких’). Главное различие между польским, с одной стороны, и чешским, а также словацким и серболужицким языками – с другой (при промежуточном статусе русского), видится в том, что для польского одним из обязательных средств выражения отрицательной модальности в двучленных и в более сложных синтагмах является также Gneg, а для чешского и т. д. – в основном нет. Неудивительно поэтому, что в польских текстах отмечаются примеры, когда Gneg выступает по существу единственным грамматическим средством сигнализации отрицания при наличии его неэксплицитных лексических показателей; ср. в вышеназванном произведении З. Косак: *Podobnej nędzy trudno sobie wyobrazić* ‘Подобную нищету (букв. подобной нищеты) трудно себе представить’ (т. е. невозможно). Аналогичные примеры встречаются и в других славянских языках, в которых достаточно последовательно сохраняется Gneg, например, в белорусском: *Такіх дубоў ця-*

per rэdka дзе ўбачыш – Я. Колас (букв. ‘Таких дубов теперь редко где увидишь’). Есть все основания полагать, что фразы этого типа вполне возможны и в разговорном русском языке.

Следующий пример (польский, из того же произведения З. Коссак) позволяет перейти к дальнейшей части настоящих заметок: *Żal mi było tracić choć jednej godziny* ‘Ему было жаль терять хоть один час (букв. ‘одного часа’)’. В этом примере общая отрицательная модальность высказывания оправдывала бы употребление *Gneg*, но в то же время можно допустить логический пропуск глагола *tracić*, а следовательно, исходную конструкцию *żal mi było... godziny*. Это обращает нас к другой аномалии славянского синтаксиса, а именно к проблеме так называемой аттракции.

2. О *wynach kto nagany skazanyu*

Комментарий к вынесенному в подзаголовок древнепольскому примеру из Кодекса Дзялыньских середины XV в. будет приведен ниже, однако для начала уместно дать один из вариантов его перевода на русский язык, отвечающий, как кажется, тематике данной статьи: ‘О преступлениях кто оспаривает разборе’. Этот перевод возвращает нас к Пушкину, разбирая стихи которого, современный ему критик также упрекал поэта если не в преступлениях, то в погрешностях против правил русского языка: «А нынешнее дело он затеял почти одновременно с рождением нашей гордости национальной – поэтом Пушкиным» [Лавров 1997: 232].

Примеров подобных погрешностей из современных русских и вообще славянских печатных изданий существует множество. Автору этих строк, который в течение ряда лет такие примеры скрупулезно собирал, первоначально представлялось, что речь действительно идет о погрешностях (на самом деле в большинстве извлечений из современной литературы речь и впрямь идет именно о них). Однако аналогичные упреки адресовали слависты, начиная с XIX в., также создателям и переписчикам древних славянских текстов, где весьма часто наблюдается по сути та же аттракция, т. е. употребление одинаковых падежных форм у обоих компонентов двучленной именной синтагмы, в которой один из членов находится в смысловой зависимости от другого, тогда как в формальном отношении оба члена обнаруживают одинаковую связь с управляющим этой синтагмой глаголом или, как в вышеприведенном примере, одинаковое вхождение в предложно-падежную конструкцию: ср. др.-чеш.: *O Pražě založení* в Далимиловой хронике (XIV в.), букв. ‘О Праге основании’, *k zprávě*

pravdě ohledání в одном из писем Яна Гуса из тюрьмы в Констанце (XV в.), букв. ‘по делу правде рассмотрении’ и др.

Первым, кто обратил внимание на тот факт, что в таких случаях следует говорить не о чисто формальной аттракции (уподоблении), но о более широком явлении еще индоевропейского происхождения, был А. А. Потебня ([Потебня 1968: 160]). Цитируя санскритское словосочетание, в буквальном переводе означающее ‘раздавлены ногами слонами’, ученый усматривал здесь не просто механическое уподобление падежных форм, но смысловой паратаксис: ‘слонами, т. е. их ногами’. Автор настоящих заметок посвятил этой проблеме, рассматриваемой на материале в основном западнославянских языков, ряд публикаций ([Скорвид 1984; 1995]). В дополнение к более ранним наблюдениям хотелось бы отметить, что, судя по данным древних славянских языков, аттракция могла иметь место не только в синтагмах с последними двумя именными компонентами при первом глагольном, но и в синтагмах с двумя глагольными компонентами с последним именным, типа др.-чеш. *jěchu sě hradu staviti* (Далимилова хроника), букв. ‘принялись строить зámка’, при обычной конструкции *staviti hrad* с вин. пад. и управлении *jieti sě* + род. пад. Примеры такого рода встречаются весьма часто.

И наконец, заявленный в начале данного подраздела комментарий к цитате из древнепольского Кодекса Дзяльньских. В духе идей А. А. Потебни можно утверждать, что такие сочетания, как ‘*о преступлениях... разборе*’, были для древних славянских языков совершенно естественными, причем вставка ‘*кто (их) оспаривает*’ между обеими частями именной синтагмы в древнепольском тексте отражает наиболее архаичный их облик. На основании этого и других подобных примеров следует полагать, что в древнеславянском синтаксисе существовало некое «дистанционное управление» падежными формами, причем дистанция между ними и управляющим глаголом могла быть довольно велика. Это позволяет обратиться к заключительной части настоящих заметок.

3. Присезаю тебе... вси дубровчане крѣ ходе по моемѹ владению... правымь срьдьцемь дръжати є

Приведенная в подзаголовке цитата из боснийской грамоты бана Кулина 1189 г. ярко отражает одну важную особенность древнеславянского синтаксиса, которая свидетельствует не только о «дистанционном управлении», но и о фразовой автономности славянских падежей. Перевод: ‘клянусь тебе... все дубровчане, которые ходят по моим владениям... добросердечно относиться к ним’. Аналогичное

автономное употребление падежных форм автор этих заметок комментировал на материале древнесловенских Фрейзингенских отрывков ([Людоговский, Скорвид 1998]).

Таких примеров в древнеславянских памятниках можно найти много. Встречаются они и в современных славянских языках, прежде всего в разговорном стиле: рус. разг. *Курский вокзал – как пройти?* и т. п. По-видимому, как и в случае с Gneg, здесь следует говорить об участии падежной формы, наряду с другими средствами, в создании единой семантической перспективы высказывания, включая его тема-рематическую структуру. При этом в древних славянских языках степень такого участия была явно выше, чем в современных, однако в целом оно актуально и поныне, и падежная форма остается способной даже сама по себе создавать эту перспективу.

Традиционные грамматики славянских языков, в том числе исторические, исходили из современной литературной нормы с ее – во всяком случае в части синтаксиса – сложившейся в ходе веков значительно формализованной организацией. В исторических грамматиках это не раз приводило к попыткам адаптации старого синтаксиса к новым, формализованным схемам. Между тем старый, а в разговорном стиле и новый славянский синтаксис, как представляется, в основном не формальный, а скорее семантический или ассоциативный. Последнее означает, что выстраивались (и / или выстраиваются) не предложения и даже не высказывания, но тексты, в которых каждый элемент имел (и / или имеет) свою семантическую роль и свои ассоциативные связи. В заключение можно проиллюстрировать это положение современным чешским примером из произведения Б. Грабала «Рассказы из пивной», уже не относящимся к области собственно синтаксиса: *...vždycky ale měl hostinský něco v nepořádku, tak nějak to bylo, jako se mnou ve škole, tatínek byl ten učitel a já jsem byl ten žák, který neměl v pořádku domácí úkol, taky se díval pan hostinský do země, bál se tatínkovi podívat do očí...* [Hrabal 1986: 232]. Перевод: ‘у хозяина всегда было что-то не в порядке, примерно как у меня в школе: папаша был строгий учитель, а я (по смыслу: *хозяин!* – С. С.) ученик, который не выполнил домашнего задания, вот так и хозяин пивной смотрел в пол, боясь встретиться взглядом с папашей...’ [Грабал 2002: 271–272].

Автономное, ассоциативное употребление уже не падежных форм, а лексем здесь налицо – при том, что Б. Грабал принадлежит к мастерам слова высочайшего уровня, а следовательно, упреки в отношении литературных норм по отношению к этому писателю были бы неуместны.

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

Л и т е р а т у р а

- Hrabal 1986 – *Hrabal V. Život bez smokingu. Praha, 1986.*
Грабал 2002 – *Грабал Б. Слишком шумное одиночество. СПб., 2002.*
Лавров 1997 – *Лавров В. Граф Соколов – гений сыска. М., 1997.*
Людоговский, Скорвид 1998 – *Людоговский Ф. Б., Скорвид С. С. И ниже съ ними*
// Международный филологический сборник в ознаменование 150-летия со дня
рождения Ф. Ф. Фортунатова. М., 1998.
Потебня 1968 – *Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. III. Об из-*
менении значения и заменах существительного. М., 1968.
Пушкин 1986 – *Пушкин А. С. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1986.*
Скорвид 1984 – *Скорвид С. С. Проблема аттракции и становление связей в*
именных сочетаниях // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1984.
С. 133–146.
Скорвид 1995 – *Скорвид С. С. Серболужицкие конструкции типа *běrný zběranje,**
*na *běrnach zběranju* в исторических взаимосвязях // Проблемы становления и*
развития серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1995. С. 165–
173.
Тихомирова 1978 – *Тихомирова Т. С. Польский язык. М., 1978.*